

К вопросу об историографии андреевской культуры^[1]

Н. Г. Сарапулова

The author has compiled historiographical materials regarding origin and further evolution of the Andreevsky culture. Subject to consideration being opinions and approaches towards identification and investigation of the Andreevsky culture made by archaeologists in different years. Resulting from historiographical analysis, the author summarizes different viewpoints expressed by researchers of the Andreevsky culture.

Анализ археологических материалов позволил исследователям в 1980–1990-х гг. выделить для восточного склона Урала, прилегающих районов Западной Сибири и Северного Казахстана культурно-исторические общности (КИО) эпохи энеолита — восточно-уральскую [Бадер, 1970; Кокшаров, 1993. С. 90], зауральско-североказахстанскую [Чаиркина, 1993, 1997] и зауральско-казахстанскую [Шорин, 1995, 1999].

С. Ф. Кокшаров предложил сохранить термин «восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита» (середина III — первая четверть II тыс. до н. э.), предложенный О. Н. Бадером [1970], и разделить данную КИО на два этапа: ранний — липчинско-ботайский (вторая половина III тыс. до н. э.) и поздний — андреевско-волвончинский (конец III — начало II тыс. до н. э.). На липчинско-ботайском этапе ареал общности граничит на западе и востоке с Уралом и Иртышом, на севере и юге — с водоразделами рр. Северная Сосьва, Тавда, Конда и Северным Казахстаном. На андреевско-волвончинском этапе ареал простирается от Мало- и Большеземельской тундр до Нижнего Приобья, южная периферия проходит по Тоболо-Иртышью, лесостепному Притоболу и Северному Казахстану [Кокшаров, 1993. С. 90].

А. Ф. Шорин объединил горно-лесное Зауралье и прилегающие к нему лесостепные районы Казахского Приишимья и Притоболья в Восточную зауральско-казахстанскую КИО культур гребенчатого геометризма. Сходство археологических культур и культурных типов Урала и сопредельных территорий четко выражается, по его мнению, в абсолютном преобладании в орнаментации посуды гребенчатой техники, общих элементах домостроительства, господстве отщеповой техники обработки камня, появлении первых медных изделий и т. п. [Шорин, 1999. С. 23].

Н. М. Чаиркина считает, что формирование энеолита происходило в целом автохтонно и отчасти было обусловлено явлениями миграционного характера. Она выделяет для энеолита Зауралья зауральско-североказахстанскую КИО (середина III тыс. до н. э.), которая подразделяется на три провинции: центральную, северную и южную. Основой для этого подразделения послужили технико-морфологические характеристики орнамента. Центральная провинция (Северное и Среднее Зауралье, Среднее Притоболье, Южно-уральское Приозерье) включает четыре локальных района: среднеуральский, южно-уральский, притобольский, североуральский; северная провинция (Северное Зауралье и Приуралье, Нижнее Приобье) — два локальных района: североприуральский и зауральско-нижнеприобский; южная провинция локализована в Южном Зауралье, Приишимско-Притобольской зоне и, возможно, в восточной части Центрального Казахстана. О реальности существования данной КИО говорят устойчивые черты сходства керамики, отдельных типов каменного и глиняного инвентаря, элементы изобразительной деятельности, а своеобразие ее заключается в локализации в нескольких ландшафтно-климатических зонах [Чаиркина, 1997].

В период энеолита вместо довольно однородной позднеэнеолитической гребенчатой керамики на территории лесного Притоболья и Зауралья распространяется несколько групп посуды.

Липчинские комплексы содержат керамику, орнаментированную двумя различными способами: ложношнуровой техникой и отпечатками гребенчатого штампа [Старков, 1980. С. 149]. Отмечаются гребенчатые геометрические узоры и «качалка». Притобольскую липчинскую посуду отличают пояски из ямок, выступающие в качестве разделительных зон. Ямками обязательно декорировано дно, часто в сочетании с «шагающей» гребенкой [Дрябина, 1993, 1995; Чаиркина, 1997].

Восточнее липчинских стоянок обнаружены памятники шапкульского типа. Керамика этого типа была выделена в особую культуру по однослойному поселению Шапкуль I [Старков, 1976]. Под керамикой шапкульского типа понимается посуда, украшенная в технике отступающей и прочерченной гребенки.

В. Ф. Старков, отмечая сходство липчинской и шапкульской керамики в орнаментации — геометризм (мотив треугольника), ямочные вдавления в верхней части сосудов, высказал мысль, что данные керамические группы возникли на общей основе, явившись продуктом распада зауральской неолитической культуры [Старков, 1980. С. 157–158, 166–168]. Эти культуры существовали в одно время на одной территории Среднего Зауралья и Притоболья, что обусловило постоянные контакты населения. Этому способствовали совершенно одинаковый уровень развития, тип хозяйства, общие источники сырья, связи с южно-уральскими племенами [Старков, 1980; Дрябина, 1995; Чаиркина, 1997].

Несколько обособленно в ряду энеолитических культур стоит своеобразная андреевская культура. В истории ее изучения выделим условно два этапа. Содержанием начального этапа (от раскопок конца XIX в. и 1920-х гг. до публикаций 1950–1960-х гг.) можно считать появление первых источников и их осмысление; второй этап, современный (с 1970-х гг.), характеризуется расширением источниковой базы, выделением самостоятельной андреевской культуры и более пристальным обращением к ее проблематике.

В 1883 г. И. Я. Словцовым, директором Тюменского реального училища, на Андреевском озере производились раскопки археологического памятника, который он датировал каменным веком (неолитом). П. А. Дмитриев впоследствии назвал памятник Первой Андреевской стоянкой. В 1925–1929 гг. П. А. Дмитриевым и Д. Россомахиним (директором краеведческого музея) исследовались Липчинская, Первая и Вторая Мысовские и Вторая Андреевская стоянки. На Второй Андреевской стоянке изучены остатки трех жилищ, в культурном слое мощностью до 1 м обнаружено 435 вещей и 9,5 тыс. фрагментов керамики. В коллекции присутствует керамика неолита, липчинской культуры и средневековья, но большую часть составляет посуда с ямочно-гребенчатым орнаментом. На стоянке были найдены многочисленные глиняные изделия различной формы — цилиндрические и биконические с заостренными концами стержни, «моталки» с раздвоенными концами, определенные П. А. Дмитриевым как рыболовные грузила.

На других стоянках — Первой и Второй Мысовских, расположенных у с. Мыс в 4 км от Тюмени, на левом берегу р. Туры, и Липчинской — на правом берегу р. Туры, в 60 км к северо-западу от Тюмени, — керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом находилась в одном слое с шапкульской, орнаментированной отступающим уголком гребенчатого штампа, и липчинской с ложношнуровым декором. На Липчинской стоянке были обнаружены две землянки, найдено большое количество каменных изделий, глиняные цилиндрические грузила с заостренными концами и «моталки» с раздвоенными концами.

Проанализировав материал этих стоянок, П. А. Дмитриев предложил трехстадийную схему развития культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике, которую назвал андреевской. Наиболее ранними, по его мнению, оказались Липчинская и Первая Мысовская стоянки, среднюю стадию представляют Первая и Вторая Андреевские стоянки, и в последнюю, позднюю стадию включена Вторая Мысовская стоянка, которая просуществовала до середины I тыс. до н. э. [Дмитриев, 1928]. Вместе с тем П. А. Дмитриев ставил под вопрос существование самостоятельной андреевской культуры и предлагал целиком включить ее в

шигирскую культуру. Рассматривая ареал андреевской культуры, исследователь высказал предположение о продвижении границы шигирской культуры, при условии включения в нее андреевских памятников, на восток до Иртыша и Оби [Дмитриев, 1951].

Позднее В. Н. Чернецов, анализируя материал Второй Андреевской стоянки, подчеркнул необычное для Среднего Зауралья широкое развитие ямочной орнаментации. Время существования стоянки он определил рубежом III–II или самым началом II тыс. до н. э. В. Н. Чернецовым был поставлен вопрос о широте распространения этой орнаментальной традиции. Ввиду малого количества известных памятников доандроновского времени на территории Западной Сибири, провести сравнение ему не удалось. Исследователь соотносил андреевский тип с плоскодонной формой сосудов, тогда как на самом деле посуда этой культуры остро- и округлодонная. Он говорил об аналогиях андреевской керамике в находках из Томского могильника на Малом мысу и памятника Сузгун II под Тобольском как о частичных и отрывочных и предположение о ее локальном варианте считал необоснованным [Чернецов, 1953].

Е. М. Берс удревнила андреевскую культуру, отнеся ее к концу III — началу II тыс. до н. э. По результатам раскопок Аятского поселения исследователем был сделан вывод о том, что племена андреевской культуры на время потеснили шигирское население, придя из северо-восточных областей Урала, и просуществовали до начала раннебронзового времени [Берс, 1963].

Н. П. Кипарисовой также была отмечена особенность орнаментации посуды на стоянках Тюменского Притоболья. Она предложила выделить керамику с ямочно-ребенчатым орнаментом в локальный вариант дмитриевской энеолитической культуры южного района лесного Зауралья [Кипарисова, 1960].

В 1970–1980-х гг. под руководством В. Ф. Генинга возобновились раскопки на Андреевском озере. На участке ЮАО XII исследована стоянка, с которой был получен значительный материал, характеризующий андреевскую культуру: остродонные сосуды с ямочно-ребенчатым орнаментом, рыболовные грузила — цилиндрические, биконические, в виде моталки, раздвоенной на концах. Раскопана полуземлянка прямоугольной формы, в заполнении которой находилась только андреевская керамика. Это поселение стало своего рода эталонным для дальнейшего изучения андреевской культуры. Другим раскопом на этом же участке было исследовано многослойное поселение, в одном из жилищ которого (жилище 1) слой, содержащий боборыкинскую керамику, четко перекрывался слоем светло-серой супеси с керамикой андреевской культуры [Ковалева, Сериков, 1982]. По материалам поселения ЮАО XII В. Т. Ковалева было высказано мнение об одновременности липчинских и андреевских комплексов и миграции носителей ямочно-ребенчатой орнаментации из других мест [Юровская, 1973].

В результате работ в Нижнетавдинском районе Тюменской области (бассейн р. Иски) были открыты и исследованы памятники андреевской культуры Ипкуль I и VIII, Шапкуль I, давшие новый материал к вопросу о происхождении андреевской культуры [Косарев, Зайберт, 1976; Старков, 1976].

На поселении Ипкуль I ямочная керамика стратиграфически и планиграфически залегала приблизительно так же, как и липчинская посуда. Это дало исследователям основание предположить, что андреевская культура на раннем своем этапе сосуществовала с липчинской, находившейся на позднем этапе развития [Косарев, 1981]. Вместе с тем в Тюменском Притоболье известны памятники, на которых слой с андреевской керамикой не содержал или почти не содержал липчинской посуды (Андреевская 2 стоянка, ЮАО XII).

Исследование поселений с «чистыми» комплексами (ЮАО XII, Шапкуль 1) позволило исследователям выделить в энеолите лесного Зауралья культуры с разными орнаментальными традициями: шапкульскую — с отступающей ребенкой, липчинскую — с ложношнуровым и ребенчатым орнаментом [Старков, 1980] и андреевскую — с ямочно-ребенчатым орнаментом [Ковалева, 1979]. Особенность ситуации заключается в том, что на многих поселениях, в том числе однослойных, липчинская, шапкульская и андреевская керамика залегают вместе.

Таким образом, самостоятельная андреевская культура была выделена прежде всего по своеобразной керамике. На разных памятниках посуда однотипна. Это сосуды с прямым или приостренным дном, прямыми стенками, плавно сужающимися ко дну. Высота их от 30 до 40 см при диаметре по горловине 22–32 см. Встречаются экземпляры меньших размеров и очень маленькие. Сосуды полуяйцевидной формы. Венчик округлый, или приостренный, или скошенный внутрь. Толщина стенок от 0,4 до 1 см. Внешняя поверхность тщательно заглажена, иногда залощена, внутренняя в большинстве случаев заглажена ребенчатым штампом.

Ямочный орнамент, занимающий до 70–90 % поверхности сосудов, выполнялся фигурным штампом. Ямки различной формы — круглые, овальные, полулунные, подтреугольные, каплевидные, ромбовидные и т. д. От глубоких ямочных вдавлений на внутренней стороне сосуда, как правило, образованы негативы — «жемчужины». Узор покрывает всю поверхность сосуда, на внутренней стороне обычен пояс из наклонных оттисков ребенчатого штампа. Характерна устойчивая композиция, в основе которой — горизонтальная зональность. Обычно чередование широких поясов из ямочных вдавлений (5–7) с неширокими лентами из наклонных линий ребенчатого штампа или, реже, шагающей ребенки. Ямки нанесены в шахматном или строчном порядке.

Наряду с керамикой, столь же обычной и достаточно многочисленной категорией находок являются керамические стержни различной формы: биконические с заостренными концами, цилиндрические палочки, приплюснутые на концах, стержни с раздвоенными концами в виде вилки, с прямым или изогнутым профилем. Такие изделия традиционно связываются с рыбной ловлей и трактуются как керамические грузила. Характеризовать каменный инвентарь можно только по материалам поселений ЮАО XII и ЮАО XIII-A, так как только на этих поселениях каменные изделия найдены в одном слое с андреевской керамикой.

Поселения андреевской культуры расположены в основном по берегам рек и озер, недалеко от воды. По совокупности всех исследованных жилищ можно предположить наличие временных (сезонных) стоянок (Ипкуль VIII, ЮАО XIII-A и др.) и базовых поселений с жилищами-полуземлянками размерами до 30 м² (Вторая Андреевская стоянка, ЮАО XII и др.).

В 1980–1990-х гг. исследуются новые памятники, содержащие андреевскую керамику. В 1991 г. под руководством Л. А. Дрябиной, О. В. и В. И. Асташкиных были исследованы памятники Велижаны I и II, расположенные на правом берегу р. Иски (Нижнетавдинский район Тюменской области). Двумя раскопами на поселении Велижаны I были изучены два однослойных разнокультурных жилища, находившихся недалеко друг от друга. В одном была обнаружена андреевская керамика, в другом — керамика липчинской культуры. В одном слое с андреевской посудой залегали глиняные рыболовные сигаровидные грузила, а также специально сформованные тиглы, что позволило исследователям утвердиться в предположении о наличии металлообработки у андреевских племен. Андреевская керамика была выделена в особую группу, как не имеющая местных корней, и культура датирована второй четвертью — концом III тыс. до н. э. [Асташкин и др., 1995].

В 1994 г. В. Т. Ковалева, О. В. Рыжковой и А. В. Шаманаевым была раскопана значительная площадь стоянки неолита — энеолита ЮАО XIII-A. Локализация находок с неолитической керамикой кошкинского типа и энеолитической липчинской и андреевской дала возможность проследить различия каменных индустрий [Ковалева, 1995]. По определению А. В. Ша-манаева, сырьевой состав коллекции с памятника ЮАО XIII-A выглядит однообразным. Большая часть изделий изготовлена из зеленой кремнистой породы (80 %), небольшая часть — из зеленокаменной породы (20 %). По результатам типологического и трасологического анализа были выделены типы орудий, относящиеся: к охоте — наконечники стрел и ножи для разделки мяса; к обработке шкур — развертка, кожевальный нож, проколка; к обработке дерева и камня — резчики, тесло, сверла. Некоторые орудия бифункциональны, например скребок-нож, скребок-проколка. Авторы статьи делают вывод об отличии каменной индустрии андреевской культуры от таковой других энеолитических культур Нижнего Притоболья. Различия проявляются прежде всего в сырьевом составе. Обращает на себя внимание ограниченный набор пород камня: преобладают различных оттенков зеленые

кремнистые и зеленокаменные породы, изделия из качественного кремня и яшмы единичны [Зырянова, Шаманаев, 2001].

Сходство выявилось в ряде категорий находок ташковской и андреевской культур: форма тиглей и способ прикрепления бортика тигля к фрагменту керамики; наличие ошлакованной керамики как ташковского, так и андреевского типа; форма керамических грузил, тигля-ляжки в виде ладьевидной чашечки [Ковалева, 1995].

В результате раскопок на памятнике ЮАО XIII-A встала проблема соотношения андреевской и ташковской культур. Авторами раскопок было высказано предположение о миграции в Притоболье индоевропейского, возможно уже индоиранского, населения и ассимиляции им местного энеолитического, в том числе андреевского [Ковалева и др., 2000].

После выделения керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом в самостоятельную андреевскую культуру была возобновлена дискуссия об ее происхождении и времени бытования.

В статье В. Ф. Генинга «К вопросу об археологической интерпретации "кетской проблемы"» [1989] был проведен анализ керамики эпохи неолита с ямочно-гребенчатым орнаментом (сотовая, по В. Ф. Генингу) и текстильными или псевдотекстильными отпечатками (сетчатая, по В. Ф. Генингу), которая первоначально охватывает центральные области Восточной Европы. По мнению исследователя, западный ареал керамики «со специально небрежной, псевдотекстильной или сплошь покрытой ямками поверхностью» (с. 167) составляют памятники Западной Сибири — Одно, Лихачево, Пахомовская Пристань III, Кокуй III и II на р. Ишиме и стоянка Черноозерье III. Появление керамики данного типа на этих территориях, по мнению ученого, явилось не следствием смены населения, а произошло «взаимосмещение местного неолитического и пришлого» населения (с. 158).

М. Ф. Косарев сначала пытался связать происхождение ямочной посуды Тюменского Притоболья с лесной зоной Восточной Европы. Однако мнение специалистов по ранним культурам Восточной Европы Д. А. Крайнова и С. В. Ошибкиной о том, что между ямочной керамикой Восточной Европы и Тюменского Притоболья нет таких элементов сходства, которые позволили бы говорить об их генетической близости, заставило исследователя отказаться от этой гипотезы [Косарев, 1981]. Проведя стратиграфический анализ многослойных памятников ЮАО XII, Юргаркуль III и IV и других, на которых слой, содержащий андреевскую керамику, перекрывает боборыкинский, ученый пришел к выводу о местных, боборыкинских корнях андреевской культуры. Свидетельства сосуществования андреевской посуды с липчинской и шапульской, липчинская манера орнаментации верхнего края некоторых андреевских сосудов наклонными рядами ложного шнура, наличие ямок, выполненных глубокими вдавлениями специфического шапульского гребенчатого штампа, позволили М. Ф. Косареву высказать мысль о синхронности андреевской культуры с аятской и датировать ее второй половиной III тыс. до н. э. [Косарев, 1993].

Л. Н. Корякова и С. Ф. Кокшаров не отрицают влияния северных и южных народов на сложение андреевской культуры, однако придерживаются точки зрения о ее формировании на местной неолитической основе [Корякова, Кокшаров, 1991].

В. Т. Ковалевой представляется бесспорным пришлый характер населения андреевской культуры. Единственная аналогия ей, по мнению исследователя, — керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом лесной зоны Восточной Европы. Сходство проявляется не только в наличии ямочной орнаментации и композиции, но и в такой специфической черте, как форма ямок (ромбовидные, подтреугольные, полулунные). В. Т. Ковалева считает, что ямочная орнаментация на посуде чужда для Зауралья. В пользу миграции андреевского населения говорит, по ее мнению, и то, что на поселениях обнаружены следы металлообработки (обломки тиглей, ошлакованная керамика) [Ковалева, 1995]. В. Т. Ковалевой и Н. М. Чаиркиной высказано предположение о путях проникновения групп населения с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамику через Северный Урал, но не исключается и другой вариант — Южный Урал. На поселениях агидельской культуры Южного Приуралья в раннеолитических комплексах вместе с керамикой, близкой к шапульской, нередко и керамика с ямочным орнаментом. По мнению исследователей, население быстро ассимилировалось в местной среде, но воздействие культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом на местную керамику оказалось значительным. Распространение металлообработки и керамических грузил в Притоболье связывается с приходом западного населения, которое занималось традиционно рыболовством и избрело новый тип керамических грузил, получивших широкое распространение в среде аборигенов [Ковалева, Чаиркина, 1991].

В. А. Зах и Е. А. Фомина высказали свою точку зрения на происхождение андреевской культуры. По их мнению, генетические корни андреевской керамики следует искать еще в донеолитической среде. Становлению неолитических культур предшествовал распад единого финно-угорского этнического массива. В начале неолитической эпохи в Западную Сибирь мигрирует население из районов Прикаспия и Приаралья. В результате длительного взаимодействия пришлого (боборыкинская культура) и местного (сосновоостровская культура) населения образуются стабильные и яркие культуры — полуденская и кокуйская. В позднем неолите, по предположению исследователей, в связи с изменениями климата прекращается приток южного населения. Наблюдается расцвет местных керамических орнаментальных традиций: в Притоболье — шапульской, гребенчатой; в Приишимье и Прииртышье — екатерининской, гребенчато-ямочной. По мнению ученых, формирование андреевской культуры являлось частью процесса становления местных позднеолитических культур. Сходство андреевских керамических комплексов с ямочно-гребенчатыми комплексами Восточной Европы объясняется наличием общего (финноязычного) субстрата [Зах, Фомина, 1999].

Таким образом, мнения о происхождении андреевской культуры расходятся. Отсутствие погребальных комплексов, плохая сохранность костяков из близких по времени могильников (Андреевское озеро, урочище Бузан) не позволяют представить расовый состав населения в энеолите, что, наряду с малым количеством однослойных поселений, затрудняет решение вопроса о генезисе андреевцев.

Ареал андреевской культуры локализован преимущественно в пределах Нижнего Притоболья (рис.). Однако в последнее время памятники с керамикой андреевской культуры были обнаружены севернее, по р. Иртыш (Тобольский район Тюменской области), и южнее (Белозерский район Курганской области), что существенно расширяет границы территории распространения андреевской культуры.

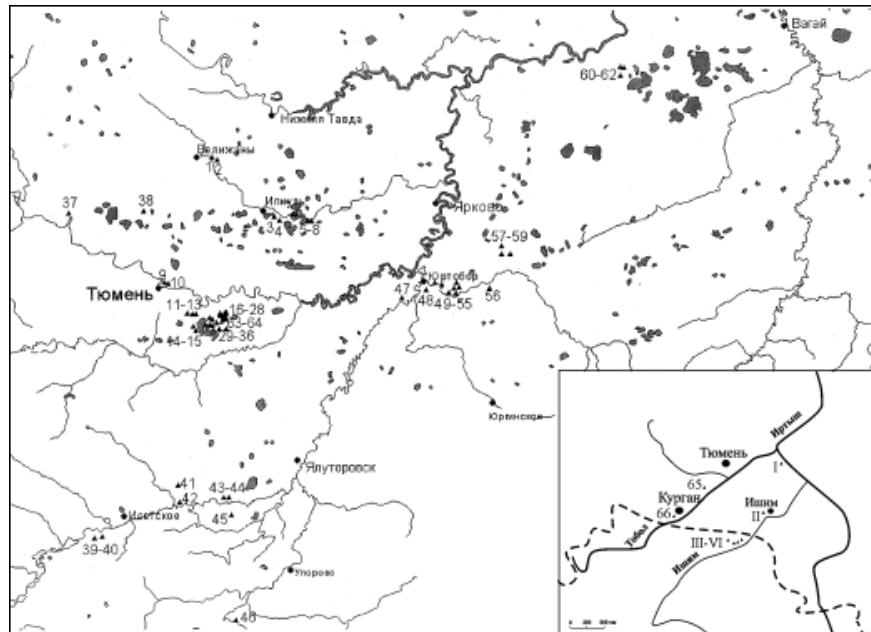

Рис. Расположение памятников андреевской культуры и памятников с ямочно-текстильной керамикой:

- 1 — Велижаны 1; 2 — Велижаны 2; 3 — Ипкуль I; 4 — Ипкуль VIII; 5 — Малый Байрык II; 6 — Малый Байрык III; 7 — Малый Барашек 1; 8 — Ново-Шадрино 1; 9 — Мысовская 1; 10 — Мысовская 2;
- 11 — СЗБАО; 12 — Андреевское 5; 13 — Андреевское 7; 14 — Андреевская 1; 15 — Андреевская 2; 16 — Чепкуль 3; 17 — Чепкуль 10; 18 — Буторлыга 1; 19 — Буторлыга 2; 20 — Буторлыга 5; 21 — Буторлыга 6; 22 — Буторлыга 9; 23 — Буторлыга 11; 24 — Буторлыга 15; 25 — Чепкуль 22; 26 — Чепкуль 25;
- 27 — Винное 1; 28 — Винное 2; 29 — Дуванское 5; 30 — Дуванское 17; 31 — Дуванское 18; 32 — Дуванское 26; 33 — Дуванское 27; 34 — Мальково 1; 35 — Грязное 3; 36 — ЮАО 12; 37 — Липчинская;
- 38 — Сосновый остров; 39 — Рафайловское селище, раскоп 4; 40 — Рафайловский Остров; 41 — Рассветовское; 42 — Архангельское; 43 — Слободо-Бешкильское 1; 44 — Слободо-Бешкильское;
- 45 — Верхне-Ингальский Борок; 46 — Одино; 47 — Чечкино 2; 48 — Юртобор 3; 49 — Юртобор 18;
- 50 — Юртобор 21; 51 — Карбанский мост 1; 52 — Карбанский мост 17; 53 — Карбанский мост 18; 54 — Карбанский мост 29; 55 — Карбанский мост 7; 56 — Стеклянное 3; 57 — Средний Баклан 1; 58 — Большой Баклан 2; 59 — Большой Баклан 5; 60 — Юргаркуль 3; 61 — Юргаркуль 4а; 62 — Юргаркуль 4б; 63 — Чепкуль 13; 64 — Чепкуль 18; 65 — Усть-Суерка 4; 66 — Утякское городище; / — Мысаевка 1; // — Мергень 6; III — Вишневка 1; IV — Вишневка 2; V — Бишкуль 1; VI — Бишкуль 5

Дальнейшие судьбы андреевской культуры можно проследить по памятникам с текстильно-ямочной керамикой — Мергень 6, Мысаевка 1 [Панфилов, 1989], Усть-Суерка 4, Вишневка I и II, Бишкуль I, V [Татаринцева, 1985; Зданович, 1973] (юг Тюменской и Курганской областей, Казахстан). А. Н. Панфилов по материалам поселения Мысаевка 1 выделил новый тип керамики — ямочно-текстильный, который отнес к раннему бронзовому веку. Посуда этого типа отличается неравномерным обжигом, рыхлым тестом, толстостенностью, на внешней и внутренней поверхности имеет отпечатки текстиля. Узор, покрывающий всю поверхность сосудов, состоит в основном из ямочных вдавлений различных форм: треугольные, подквадратные, полулунные, серповидные, овальные, также использован длинный или короткий гребенчатый штамп, оттиски которого образуют горизонтальные пояски наклонных линий [Зданович, 1973; Панфилов, 1989]. В сложении этого типа керамики, по мнению А. Н. Панфилова, принимало участие андреевское население, которое в конце энеолита начинает расселяться из Нижнего Притобья на соседние территории, в том числе на юг и юго-восток [Панфилов, 1989]. Подтверждением могут служить легкие наземные конструкции андреевских жилищ, говорящие о большой подвижности населения андреевской культуры.

Литература

- Асташкин В. И., Асташкина О. В., Дрябина Л. А. Энеолитические комплексы поселения Велижаны I // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Тюм. ун-т, 1995. С. 33–36.
- Бадер О. Н. Неолит Урала // МИА. 1970. № 166. С. 157–158.
- Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. С. 50–55.
- Генинг В. Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы // Тр. Секции археологии РАН ИОН. М., 1928. Т. 4.
- Дмитриев П. А. Шигирская культура на Восточном склоне Урала // МИА. 1951.
- Дрябина Л. А. Развитие и взаимодействие культурных традиций в эпоху энеолита в Зауралье // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. СПб, 1993. С. 169–172.
- Дрябина Л. А. Каменная индустрия поселения Мергень 5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень, 1995. С. 3–11.
- Зах В. А., Фомина Е. А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // ВААЭ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2.
- Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Свердловск, 1973. Вып. 12.
- Зырянова С. Ю., Шаманов А. В. Энеолитический комплекс стоянки ЮАО-ХIII-A // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 60–71.
- Кипарисова Н. П. О культурах лесного Зауралья // СА. 1960. № 2. С. 20–24.
- Ковалева В. Т. Андреевская группа памятников в Нижнем Притобье // ВАП. Тюмень, 1979. Вып. 2.
- Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препринт. Екатеринбург, 1995.
- Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманов А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург, 2000.

- Ковалева В. Т., Сериков Ю. Б.* Поселение боборькинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАН. Свердловск, 1982. Вып. 16. С. 39–51.
- Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М.* Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАН. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- Кокшаров С. Ф.* Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Корякова Л. Н., Кокшаров С. Ф.* Археологические аспекты древней истории Зауралья и Западной Сибири: Эпоха камня и бронзы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1991. С. 36–39.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
- Косарев М. Ф.* Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. Этнологический альманах. М., 1993. № 4.
- Косарев М. Ф., Зайберт В. Ф.* Поселение Ипкуль VIII // КСИА. М., 1976. Вып. 147. С. 68–75.
- Панфилов А. Н.* Новый тип памятников раннего бронзового века в южнотаежном Тоболо-Иртыше // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюм. ун-т, 1989. С. 154–156.
- Старков В. Ф.* Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // ВАП. Тюмень, 1976. Вып. 1.
- Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
- Татаринцева Н. С.* Керамика поселения Вишневка 1 в лесостепном Приишимье // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 104–109.
- Чаиркина Н. М.* Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.
- Чаиркина Н. М.* Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) // УИВ. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 26–39.
- Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.
- Шорин А. Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995.
- Шорин А. Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.
- Юровская В. Т.* Классификация и относительная хронология памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАН. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 17–20.

Тюмень, ИПОС СО РАН

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».